

ется над водой, как ветер раздувает огонь, как огонь все превращает в землю, как все материальное постепенно растворяется в пространстве и вновь рождается из него. Человеческий ум, уловив эти закономерности, выстроил концепцию первостихии первоэлементов. Наиболее глубокое и утонченное метафизическое развитие теория пяти первостихий получила на стыке индийской, тибетской, китайской философии. Теория пяти махабхут, теория пяти скандх, теория пяти Будд высшей мудрости, Усин и пять норм конфуцианской морали. Эти умозаключения, в свою очередь, явились теоретическим основанием для натурфилософских построений, индийской юридической, тибетской и китайской медицинских традиций, которые перевели теорию пяти первостихий в прикладную научно-практическую плоскость фармации, терапии и психологии. Буддийская система пяти скандх – пяти совокупностей натолкнула швейцарского психиатра Карла Густава Юнга на создание теории архетипов, которые были положены в основу его аналитической психологии.

Человек воспринимает первообразы архетипа окружающего мира и преобразует их в свое субъективное видение мира. Образы встраиваются в нравственно обусловленную систему человека, формируют его мировоззрение. Человек кодирует свои образы языковыми средствами, т. е. переводит их в знаки, обозначает их определенными словами. Так возникает миропонимание, так возникает традиционное знание. Традиция связана с истоками существования человеческого знания. Традиция – это передача комплексов, укорененных способов облегчения нашего понимания сущностных принципов универсального вселенского порядка, так как без посторонней помощи человеку не дано понять смысл своего существования. Традиция есть система знаний, интеллектуальная доктрина, комплекс метафизических принципов, без знания которых невозможно нормальное существование человека и общества. Традиция, тысячелетиями вызревшая в недрах человечества, передаваемые из уст в уста традиционные знания требовали нового качества осмысления и реализации. Это удивительное время наступило почти одновременно в разных уголках планеты, с неповторимой мощью и ясностью проявились такие гении, как Заратуштра, Будда, Пифагор, Конфуций, Лао-Цзы, расцвели ведическая и античная философия. Очевиден факт, что мудрецы осевого времени в своих философских изысканиях опирались на традиционные знания, на предание старины глубокой, на растворенную в мифе глубочайшую народную мудрость. В принципе, больше и не на что было опираться.

Доклад 64.

Онтология и стратегия России и мира

Сергей Борисович Переслегин

Российский историк, футуролог и геополитик, литературный критик и публицист, исследователь и теоретик фантастики и альтернативной истории. Научный руководитель компании «Знаниевый реактор», директор Центра Управления Знаниями МНИИПУ.

Я буду говорить об онтологической работе, онтологии, метаонтологии, выходе за пределы онтологии.

Достаточно важно, что поднять этот вопрос и обсудить эту тему от нашей группы потребовали прежде всего инженеры, поскольку сейчас им действительно приходится соотносить себя с миром, соотносить себя с целым, создавать стратегию развития. Соответственно, именно об этом сейчас будем говорить. Всякая работа, онтологическая работа естественно, есть организация движения мысли между условным небом и такой же условной землей, где условная земля – это разные форматы праксиса, действительности. Что же касается неба, то это форматы Трансценденции, Экзистенции, Целого. Соответственно, всякая онтологическая работа и всякая работа, содержащая в себе онтологию как элемент, это движение сверху вниз. Невозможно соотноситься с картиной мира, до этого не ответив на вопросы о Целом.

Поэтому первый вопрос – что есть Целое? Можно поставить его в более локальной форме. Как ты соотносишься с Целым, как ты с ним общаешься, как ты коммуницируешь с Целым? Можно поставить этот вопрос в предельной, жесткой христианской форме. Тогда он звучит так – как ты живешь с Богом? Или, если ты атеист, как ты живешь с тем, что Бога нет? На этот вопрос необходимо дать ответ. А после этого ты волей-неволей должен будешь как-то ответить на вопрос, что для тебя вообще есть Целое и есть ли оно для тебя? Это первый шаг, первый элемент онтологической работы. Это определение рамки важно. Далее мы начинаем движение вниз, переходим от Трансценденции, от Теологии к Эпистемологии и отвечаем на вопрос, который вполне очевиден для христианина, но абсолютно не очевиден для кого бы то ни было другого, что естественно. Как истина устанавливается? Чем она

отличается от не-истины или от прямой лжи? Как соотносятся истина и правда? Если есть постправда, то есть ли постистина? Это вопросы философского типа, но мы можем поставить здесь и вопросы практического типа. Как мы доказываем наши суждения, как мы их обосновываем? Что вообще в нашем языке есть доказательство? Говорят, что в очень хорошей старой книжке «Живая математика» приводится такой диалог, как-то случившийся в одном из крупных британских вузов.

Профессор говорит студенту, показывая на его работу: «То, что вы тут написали, это не доказательство».

Студент: «Профессор, вы нам объяснили, что такое точка, прямая, что такое трехмерное тело, вы нам объяснили, что такое число и что с ним можно делать. Но вы ни разу не дали нам определение доказательства. Как же вы можете утверждать, что вот это, – показывает на тот же самый лист, – что вот это не доказательство?»

Обратите внимание, «Что есть Целое?» – это «Рамка Важного», «Что есть истина и как устанавливать доказательство?» – это «Рамка Ясного». Если мы можем работать с аргументацией, наше мышление становится ясным. Обратите также внимание, что между Важным и Ясным стоит Вера как человеческое свойство. Заметим, это не обязательно вера в Бога, хотя для христианина это так. Это может быть любая другая вера. Но для того, чтобы говорить о доказательствах, вам сначала придется поставить вопрос о вере, о том, во что вы верите, на чем вы основываетесь и где вы никаких доказательств не требуете. На самом деле жестче вам придется поставить вопрос не только о вере, но и о доверии, о том, что возникает до веры. Двигаемся дальше. И вот тут как раз где-то посередине между небом и землей мы встречаемся с онтологией и должны ответить на вопрос, что есть Бытие?

В очень старое время, занимаясь прагматической работой, мы пытались сделать компьютерную игру. Мы придумали огромное количество онтологических вопросов, ответы на которые позволяли даже компьютеру довольно четко нарисовать картину мира отвечающего на эти вопросы человека. В принципе, онтологические вопросы просты. Что есть мир? Есть этот мир вообще? Как мир устроен, познаваем ли он? Что есть время? Что есть пространство? Что есть развитие? Что есть человек? Что есть общество? Что ценно? Что ценно – это уже аксиология, но онтология же очень глобальна, она пытается спуститься и вниз, на аксиологический уровень, и подняться вверх, на уровень того, что есть Истина. Фактически, с точки зрения сугубо формальной, онтология дает нам Рамку Явного, что нам в этом мире явлено, и на этом уровне те или иные ответы на эти вопросы, которые приняты в обществе, выделя-

ют культуру и выделяют цивилизацию. Понятно, что культура – понятие менее общее, цивилизация – более общее. Все чаще считается, что есть четыре возможных, вернее, существующих на Земле цивилизации. Возможно, создается пятая, а может быть, это и не так. Хотя гипотеза о том, что пятая цивилизация сейчас появляется, распространена, особенно в России.

Интересно другое: когда пытаешься формально проанализировать, сколько цивилизаций может быть, строишь некую модель, как они возникают, всегда возникает очень много вариантов. Но я сформулирую так, у меня получилось двадцать семь, из которых три или четыре есть в реальности, одна-две есть в потенциальности, то есть может быть, возникнут, может быть, даже на наших глазах и нашими усилиями. Еще четыре-пять встречаются в разного рода литературе: фантастике, в исторической литературе – то есть они, например, были, или они, например, мыслимы, и их можно описать. Но даже на уровне использования литературных примеров все равно большая часть пространства возможных цивилизаций оказывается пустой.

Что еще интересно, с точки зрения стратегии онтологические вопросы довольно формальны. Стратегия не очень беспокоится, как вы определите соотношение мышления и деятельности, даже не всегда для нее важно, что есть Пространство, Время и Развитие. По сути, стратегия от онтологии требует ответа на очень простые вопросы, где мы находимся, когда мы находимся, в каком мы времени, чем это время характеризуется, что будет и чего точно не будет? Вот такой сверхпримитивный прогноз. А для меня еще принципиально важно, что если движение от Важного к Ясному мы рассматриваем через призму Веры, то движение от Ясного к Явному от эпистемологии к онтологии. Вообще говоря, у нас нет соответствующей техники, нет такого слова, нет такого социального института, и это тоже очень интересно, а почему его нет. Двигаемся дальше, вниз.

Аксиология отвечает на вопрос, что ценно и должно быть сохранено в любом случае, а телеология отвечает на два вопроса, чего мы хотим или чего мы не хотим.

Цитирую хорошую старую книгу 1970-х годов. Книга была написана писателем-инженером, и там была такая цитата:

- А давай заставим машину делать то, что мы хотим!
- Знаешь, для этого как минимум нужно знать, чего мы хотим.
- Да, это правда, но давай хотя бы заставим ее не делать того, чего мы не хотим.

Заметим, что сейчас Россия ведет себя именно по этой логике, она пока не может никакими силами определить, чего она хочет, но зато до-

вольно четко определилась с тем, чего она не хочет. И, собственно, ответ на вопрос чего мы хотим, это установка цели и это то, что переводит нас непосредственно к стратегии. Но прежде чем эту стратегию начнем создавать, у нас неизбежно возникают очень неприятные рефлексивные вопросы. Потому что стратегия личностна, у стратегии есть акторы, и необходимо ответить на вопрос, кто те, кто стратегит, то есть мы. А иногда и в более серьезной и неприятно безличностной форме: не кто, а что это за люди, что это за группа, что это за страна, за социум, за социальный слой, который тут решает стратегировать? Зачем этот слой существует и на каких основаниях этот слой, эти люди полагают, что они могут стратегировать и являются акторами. Фактически это уровень оснований и обоснований стратегии. Дальше мы находимся уже почти на земле – мы приближаемся к праксису и отвечаем на вопросы, что мы делаем и как мы это делаем? Что мы делаем – это план, замысел последовательных шагов, дорожная карта. Как – это технология, которую мы используем, это ответ на вопрос почему мы рассчитываем получить результат, это управление ресурсами. Конечно же, «что» еще немножко находится в зоне теории и стратегии. А «как»? Это уже чистый праксис.

Дальше нужно ответить на вопрос, как мы контролируем результат и как мы принимаем решение в той или иной ситуации. Как контролируем результат, это собственно тема стратегических ориентиров, то есть понятно, что у нас есть цели, но понятно и то, что нужно проверять наше движение. Мы вообще двигаемся к цели? Если она еще не достигнута, то уже сделанное повышает вероятность этой цели достигнуть или, наоборот, снижает. Ориентир – это попытка разобраться, в том ли мы направлении двигаемся. Если не в том, то в ответ на вопрос, либо что мы делаем, либо как мы делаем, то есть в стратегию, нужно вносить изменения. Это есть управление стратегией. Но в современном мире мы сталкиваемся с гораздо более неприятной ситуацией, потому что сплошь и рядом возникают неожиданные резкие ситуационные вводные, на которые необходимо обращать внимание и которые никоим образом не согласуются со стратегией, более того, как правило, очень сильно мешают ее выполнять.

Отсюда мы получаем следующий слой, который мы рассматриваем, то, что мы называли Прогностическим кольцом. Понятно, что у кольца нет начала, у кольца нет конца, начинать можно с любой точки. Но поскольку я прогностик, то я, разумеется, начинаю с точки прогноза. Прогноз, как мы помним, находится довольно высоко на дороге Небо – Земля, то есть он довольно близок к нему. Он в значи-

тельной мере теоретичен, он отвечает на вопросы, что будет, отвечать на вопросы, отчего, вот уже точно никогда ни при каких обстоятельствах больше не будет. Вопросы нехорошие, неприятные, отвечать на них надо. Стратегия в конечном счете, прогноз в конечном счете сжимается до очень коротких документов, контекста и прогностических требований. Требования необходимо обязательно учесть при стратегировании, а контекст учесть можно бы, но на самом деле не всегда обязательно. Сразу заметим, прогноз существует в поле трансценденции, а вот стратегия существует в поле онтологии, в поле аксиологии, в поле телеологии. Стратегия отвечает на вопрос, чего мы хотим и что мы делаем. Кстати, эти ответы совершенно не эквивалентны. Мы можем хотеть одного, а делать другое, и это не всегда является ошибкой. Иногда мы не можем сразу или даже за какое-то разумное число шагов получить необходимый нам результат, но, если мы четко определили стратегические ориентиры, мы можем задать движение в нужную сторону. Да, получится, что хотим мы одного, а делаем другое, тем не менее опыт показывает, что это работает. Я очень люблю пример из истории советской промышленности конца 1940-х – начала 1950-х годов. Тогда шел переход на реактивную авиацию, металл, микронные допуски. А до этого работали с деревом и алюминием. Допуски были миллиметровые, короче говоря, переход не получался, не получались детали, не удавалось собрать самолет, получался сплошной брак. Понятно, что хотели сделать самолет, но не могли, и тогда директор завода сказал: «Самолет мы сделать не можем, но мы можем помыть туалеты, привести в порядок станки, привести в порядок пол, можем надеть на людей хорошие халаты, вымыть им руки».

Вроде бы все это казалось тривиальным и абсолютно не имеющим отношения к делу, действительно делали не то, что хотели, а то, что могли. Но как-то потихонечку производственная культура начала изменяться, и через какое-то время, кстати, не безумно большое, через год или два, вдруг начали делать детали с микронным допуском, на тех же станках, том же оборудовании теми же людьми. Вот это разница между этим движением. Но заметьте, двигаясь в направлении «Что мы делаем», мы все время держим «Что мы хотим». В простом мире, в котором мы жили еще пять-шесть лет назад, стратегия и заканчивала нашу дорогу. Мы отвечали на вопросы, чего мы хотим, что мы делаем, как мы это делаем, как мы контролируем сделанное, и мы двигались к цели. Сегодня ситуация другая. Сегодня ситуационные изменения жестко, властно вмешиваются в стратегию. Стратегия хочет одного, а делать нужно другое, например стратегия развития российского космоса тре-

бует ядерный буксир, а ситуация, возникшая на фронте, требует спутниковые разведывательные группировки.

Одновременно то и другое делать не удастся. Но заметим, если в масштабе страны это, в общем, новое явление, то в масштабе личности каждый из нас с этим сталкивался не раз и не два. У вас есть стратегическая цель, у каждого человека относительно развитого, когда он оканчивает школу, есть стратегическая цель и есть видение его будущей жизни. И не даром говорят, что великая жизнь – это юношеская мечта, реализованная зрелым человеком, потому что дальше оказывается, что мечта-то есть, но для этого нужно решать очень много локальных задач. Они локальны, вроде бы каждая из них вас не очень серьезно отвлекает от цели, но как-то так получается, что нужно поступать в вуз, нужно учиться, нужно работать, нужно искать, где зарабатывать, нужно кормить семью, нужно поддерживать здоровье, нужно-нужно-нужно-нужно, и в этом наши стратегические цели медленно исчезают и испаряются. Вы, в принципе, о них слышали, вы о них знаете, вы даже иногда о них еще и помните, но надо же понимать, что, если у вас была цель написать книгу и вы ее не написали в течение двадцати лет, вряд ли вы напишете ее в следующие двадцать лет. И вот здесь-то возникает ситуация по логике. По идее стратегия передает в ситуацию свою основную рамку цели, ценности и маневра, и человек, делая ситуационный выбор, отвечая на вопрос, что он делает вот прямо сейчас, когда у него есть минимальная возможность выбрать. Он выбирает то ситуационное решение, которое хоть чуть-чуть продвигает его в сторону стратегической цели, а не какое-то другое.

Я обычно говорю, что в талантливо прожитой жизни человек 20–25 процентов своих сил и времени тратит на достижение стратегических целей, а 75–80 процентов уходят все равно на ситуацию. Но если он хотя бы 20 процентов времени двигается в направлении, указанном в стратегии, то стратегия начинает реализовываться. А в какой-то момент она сама начинает воздействовать на ситуацию и реализует себя сама. Ситуационные решения, в отличие от стратегических, всегда эмоциональны. Это ответы на конкретные вызовы, и часто это смертельные вызовы, не ответишь – умрешь. Поэтому ситуация передает прогноз эмоциональный контекст, ситуационное решение эмоционально. Эта эмоция передается на прогноз, воздействуя на него.

А теперь обращаю ваше внимание, что вы получили такт прогностической работы, впрочем, вы можете назвать его такт стратегической работы или такт ситуационной работы, но это очень быстрый такт. Он замкнут, и вы можете делать обход этой схемы в течение часов, а вовсе

не месяцев, как это обычно делается со стратегией. Итак, мы описали движение от Неба к Земле, мы описали, как возникает стратегия на этом движении и мы обратили внимание на очень серьезную роль онтологии. Стратегия существует в онтологическом поле, стратегия без онтологии не работает. Соответственно, дальнейший наш разговор пойдет о чистой онтологии. Я пропущу здесь те моменты, которые связаны со стратегией, хотя они сами по себе довольно интересны, ими можно заниматься отдельно, но сейчас не это нас интересует. Итак, онтология есть то, что лежит над стратегией, онтология есть то, что описывает стратегию, как устроен мир, то, с чем стратег работает в своей деятельности. Вот посмотрите, что мы сейчас нарисовали, это баланс. Баланс трех форм онтологии. Слово-то очень многозначное, и изначально его значение – это учение о бытии. Но если вы почитаете учебники по программированию, там слово «онтология» используется очень часто, но ни о каком бытии не идет речь. Там онтология – это совокупность понятий, которые необходимо учитывать, использовать, определить или переопределить в данном программном продукте. Мы это называем словарем. Словарь – это онтология как совокупность понятий и категорий. В мире программирования это называется онтологией, в мире компьютерных игр, в мире геймдизайна или литературного дизайна это называется сеттингом. По крайней мере это основание – основы сеттинга. Конечно же, словарь – это самое простое, и мы его соотносим с самым простым из элементов классического баланса методокса. Мы его соотносим с существованием, с бытием. Понятно, что существование все-таки намекает нам на нечто мертвое, а бытие намекает нам на живое, на жизнь, на процессы. Так вот, с бытием мы соотносим профанную онтологию. Профанная онтология – это картина мира, это структура мира, это представление, как мир устроен, это ответы на онтологические вопросы. Я использовал здесь понятие дизайнера, имея в виду его западное значение, где дизайн – это не эстетика, а способ существования бытия конструкции, то, как это устроено. Тогда, конечно же, самое внешнее, верхний уровень – уровень богообщения – это есть онтология, как ее задает философия.

Онтология как экзистенциальное бытие, онтология по Хайдеггеру. Мы это называем «дизайн». Что мы еще можем сделать здесь? Мы можем поискать семантические производные. Например, у вас немножко поменялась картина мира, относительно понятно, что при этом у вас возникнут какие-то сущности, которых у вас нет в словаре. Вам придется эти сущности описывать, называть, придумывать для них слова. Тем самым получаем, что производная дизайнера по словарю – это именован-

ние, это нахождение правильных понятий. Обратное производное – это словотворчество, соответственно, бытие по дизайну – это восхождение, это экзистенция, это влияние бытия на структуру мира, влияние внешнего в этом отношении на внутреннее. Обратный процесс – это конструирование картин мира. Зная, как меняется экзистенциальное бытие, вы можете придумывать другие онтологии.

Наименее изучены связи между словарем и «дазайн», с одной стороны, это конструирование языков, если вы выясняете, что ваш словарь вас не устраивает полностью, вас не устраивает уже не семантика, вас не устраивает язык как целое. В другом направлении – это создание нарратива, описание текста о Бытии.

Смотрим второй порядок пиктограммы. Словарь с оттенком словаря – это облако тегов, это перечисление, это набор категорий. Словарь с оттенком конструирования миров дизайна – это организованное облако тегов, облако тегов, на котором задан синтаксис, это структурированный словарь, словарь с оттенком бытия, с оттенком «дазайна», это бытие мира в языке, это формальное текстовое описание этого бытия. Двигаемся выше. Дизайн с оттенком словаря – это мои пиктограммы. Дизайн с оттенком «дазайна» – это антологические операторы, то, что воздействует на одни онтологические конструкции и задает другие онтологические конструкции. Дизайн с оттенком дизайна. Вот об этом сочетании всех метаонтологий в неонтологических пространствах мы будем говорить дальше. «Дазайн» с оттенком «дазайна» это и есть бытийствование как таковое, то самое по Хайдеггеру в чистой форме. «Дазайн» с оттенком словаря – онтология как философская категория, как мы ее в учебниках и читаем. «Дазайн» с оттенком дизайна. Вот это большой вопрос, что здесь стоит, может быть, экзистенциальное бытие.

Дальше мы будем в основном двигаться по шкале разных онтологий, мы, естественно, будем иметь в виду весь этот метадокс. В целом, поскольку мы, так или иначе, двигались сверху вниз от теории к практике, все-таки в большей степени будем иметь дело скорее с дизайном, то есть картинками мира, конструкциями мира, структурами, хотя мы будем иметь в виду и все остальное, и первое, что мы здесь должны заметить, это структура метаонтологической работы, она очень проста. Сначала мы определяем, с какими онтологиями вообще можно работать. Наверное, кто-то может работать с любыми онтологиями, а кто-то вообще только со своей или даже со своей работать у него возможности нет, поэтому здесь простой вопрос: с какими классами онтологии вы лично можете работать. Если на этот вопрос вы ответили, вы отвечаете на вопрос, как разные онтологии могут быть описаны

совместно. Дальше вы строите метаонтологии. Когда вы их строите, вы получаете инварианты – это то, что в разных онтологиях не будет меняться, это то, что меняется при переходе от одной онтологии к другой, но меняется предсказуемым образом, и вы это изменение можете предсказать априори, не делая этого шага. Наконец вы отрефлексируете проделанную работу и свои собственные внутренние изменения в процессе этой самой онтологической работы.

Но прежде чем эту работу выполним, я бы хотел сделать еще отступление. Ответить на вопрос о критериях работы с невидимым. Это самое интересное, что есть в инженерной работе, в работе ученого, в работе философа. Да, конечно, когда-то мы жили в очень простом мире.

Вспоминают ту же самую нашу компьютерную игру. Она была посвящена мезолиту, и там на вопрос, что есть истина, один из ответов был такой: истина – это то, что можно увидеть, а еще лучше потрогать, а еще лучше съесть.

В какой-то момент, по мере усложнения мира, человеческая психика приходит к выводу, что есть невидимое и это невидимое замечать совершенно не обязательно. В данном случае – понимать под невидимым Бога, или мир духов, или какую-то еще эзотерику. Невидимое – это просто то, чего ты еще не видел. Например, ты видишь мир до горизонта и ты задаешься вопросом: «А если я пойду вперед и не буду останавливаться, что будет происходить? До горизонта дойду? А если не дойду, то он будет отодвигаться? Я буду видеть то же, что и сейчас или что-то совсем другое?» Мысль о том, что ты видишь маленький кусочек мира, а все остальное ты не видишь, это тоже работа с невидимым. Мысль о том, что какие-то вещи ты можешь регистрировать, а о каких-то ты догадываешься разве за счет этого мышления. Это тоже работа с ними. Но всякая работа с невидимым включает в себя очень серьезный риск.

Давайте сравним несколько открытий невидимого. В свое время Леверье во Франции и Адамс в Великобритании, анализируя движение Урана и несоответствие этого реального движения теоретическим предсказаниям, пришли к выводу о том, что существует планета, которая оказывает на Уран воздействие, и, соответственно, предсказали размер этой планеты и где примерно ее нужно искать. Там все было довольно сложно с размерами, с местом, но тем не менее работа эта была выполнена, и стараниями астронома Галле из берлинской обсерватории Нептун был открыт. Мы считаем работу Леверье и Адамса гениальной. Тогда не было принято сравнивать движения небесных тел с теоретически предсказанными, и на основании различия предполагать, что есть что-то невидимое. На самом деле открытие было

сделано довольно быстро, и невидимость исчезла, Нептун стал вполне видимым, с ним стали работать.

Открытие, считаю его гениальным. Нейтрон, то, что придумал Чедвик, что существуют не только положительно заряженные частицы в ядре атома, но и нейтральные незаряженные. Тогда не умели регистрировать нейтроны. Научились быстро, но не сразу. Это открытие наметило путь к развитию теории элементарных частиц, то есть после появления нейтрона у нас наконец появилась вменяемая модель ядра атома и атома в целом и можно было начать движение в этом направлении. Дальше, исследуя распад того же самого нейтрона, Ферми, Дирак, Пауль – целый ряд людей – обратили внимание на видимые нарушения законов сохранения. Но при этом то, что нарушало эти законы, не имело массы или практически не имело массы. Не улавливалось никакими детекторами. Было понятно, что эта новая частица, которую назвали нейтрино, ни с чем практически не взаимодействует. На уровне техники того времени – и Ферми это понимал – это не ловилось.

И, с одной стороны, в общем-то, ничего другого предсказать было нельзя, но, с другой стороны, предсказать это, настоять на этом, а потом придумать способ, как это реально обнаружить, как это невидимое сделать видимым – вот это оказалось довольно тяжелой работой.

Черная дыра – гравитирующий объект, который мы не видим из-за слишком сильного гравитационного поля, которое не выпускает свет. Именно поэтому для ряда физиков, например для Логунова, это еще в чем-то сомнительно. Всё это история науки, но вот уже ближе к концу XX века появилась модель суперсимметрии, в которой смешиваются бозоны и фермионы. И эта модель, как из рога изобилия, стала выдавать предсказания разных элементарных частиц. Гравитина – фермионный аналог нейтрино – вина, зина и т. д. Этих предсказанных частиц было очень много, ни одна из них не открыта, ни одна из них никогда не будет открыта, а потому что в данном случае произошла обычная физическая ошибка: люди увлеклись красотой математической модели и не ответили для себя внутренне на вопрос, что это означает физически. Фермионы и бозоны физически различны, можно придумать формулу, которая их смешивает, но эта формула не будет иметь отношения к физике. Поэтому здесь невидимое оказалось ложным, ошибочным. Я бы даже назвал это идиотизмом. С моей точки зрения, еще большим идиотизмом являются темная материя и темная энергия. И то и другое – попытки разобратся в том, почему не выполняется определенная группа законов при наблюдении больших звездных объектов, например галактик. Но и то и другое – самая простая возможность из тех, которые только можно бы-

ло придумать. При этом эта самая простая возможность создает объект, имеющий исключительно странные и маловероятные свойства.

В чем разница первой и второй группы примеров: в первой группе в видимый мир добавляете невидимое, и потом через некоторое сравнительно малое время это невидимое становится тоже видимым. Ваше мышление становится более сложным. Во втором, для того чтобы решить некие вопросы, которые требуют мышления, вы добавляете в физический мир сущности, которые физическую онтологию разрушают, она теряет целостность – и ровно потому, что у вас экономится мышление. Вы ищете самое простое решение, которое будет описывать данную конкретную ситуацию – причем тоже не в полной степени – ценой разрушения всех остальных картин, которые здесь возникают. В первом случае вы усложняете мир, во втором – упрощаете, в первом случае вы работаете эстетично, парадоксально и интересно, во втором случае вы работаете эпициклично. У вас что-то не получилось, вы придумаете способ разрешить именно эту проблему, и то, что ваш способ является во всех остальных отношениях довольно некрасивым и неестественным, вас не беспокоит. И вот это, между прочим, вопрос, почему мы считаем, что мир должен описываться красивыми решениями. У нас нет ответа, но в нашей онтологии это именно так. И мы сейчас будем продолжать двигаться в сторону метаонтологии.

Итак, схема, которую вы видите сейчас, онтологический образ, в теории метаонтологии является центральной. Сама по себе метаонтологическая работа – мы об этом говорили – начинается с ответа на вопрос, а с какими вообще картинами мира мы можем работать. Базовый ответ на этот вопрос таков: мы можем работать с теми картинами мира, которые отвечают данной схеме. Мы можем поставить условие не так жестко и говорить, пускай не всей схеме, но по меньшей мере ее началу. Мы можем работать с теми картинами мира, для которых выполняется теологическая вуаль. Понятие «вуаль» взято из романов Роджера Желязны «Девять принцев Амбера» (так называемого амберовского легендарного цикла).

И я выбрал это слово по одной простой причине: чтобы не привязаться ни к одной из текущих онтологий. Скажешь «догмат» – ты в онтологии Бога, скажешь «постулат» – ты в онтологии природы, скажешь «аксиома» – ты в онтологии математики. А слово «вуаль» в данном случае нейтрально и может использоваться в любой из онтологий.

Итак, я утверждаю, что идеальная онтология включает в себя семь вуалей, из которых первая – теологическая вуаль, и она формулиру-

ется очень простым образом. Существует целое. А представлениями этого целого может быть все что угодно: для христианина – Бог, для человека, который не является христианином, но принадлежит к платоновской традиции – это платоновский мир, мир Идей, для ученого – Вселенная.

Впрочем, Вселенная, или природа, или что-то очень похоже – интересный вопрос. А вообще, целым быть может все что угодно. Целым может быть государство, целым может быть человечество, целым может быть семья. У каждого свое целое, причем заметьте: у каждого свое целое, но целое это есть, и вот это уже инвариант. У каждого свое целое, но каждый понимает, что другие версии целого тоже существуют, а это означает, что он должен со своей версией целого их как-то соотнести. Но понятно, что для каждого человека своя версия целого является лучшей, находится наверху и все остальное ей подчинено. Но сейчас в данном случае неважно, как он выстраивает свою картину, важно, что у него все равно будет иерархия. В результате получается, что иерархия у нас тоже инвариантна. У каждого своя иерархия, но какая-то будет у всех. Мы понимаем иерархию как определение порядка и, между прочим, как серьезное требование к личности, ибо иерархия это не просто подчиненность, но иерархия – порядок служения.

Так вот, наше суждение заключается в том, что онтологии, с которыми можно работать, это те онтологии, в которых есть представление о целом, а следовательно, иерархия. Мы считаем, что если онтология не проходит теологическую вуаль, то она неспособна к содержательной коммуникации и неспособна к сложному мышлению, по крайней мере, в простом понимании этого слова. Отсюда только те онтологии, которые проходят теологическую вуаль, мы будем называть когнитивными, и у нас есть гипотеза, что такие онтологии существуют. Теологическая вуаль главная, первичная.

Вслед за ней второй вуалью является онтологическая. Онтологическая вуаль очень интересная. Иногда я ее формулирую в таком выражении: существует я, которое непонятно почему и непонятно на каком основании объявило себя личностью и квантовым наблюдателем. Конечно, в реальных книжках такого никто не пишет, но, как ни смешно, то, что я сказал – важно. Потому что момент выделения из мира «я» и суждение о том, что это «я» осознает себя, считает себя квантовым наблюдателем, это волевой иррациональный акт. Никаких оснований для этого нет, человек это просто делает, он просто объявляет себя таковым. Потому что такова его воля. Вспоминается многим очень хорошо известный старый фильм с Дэвидом Боуи «Лабиринт» –

весьма любопытный фильм об онтологии и о том, как соотносятся между собой разные картины мира. Я говорю про ту сцену, когда Сара говорит королю гоблинов в исполнении Дэвида Боуи: «Моя воля столь же сильна, как и твоя». Следовательно, моя реальность столь же значима, что и твоя. Онтологическая вуаль выполняет очень важную деятельность, она различает реальность и действительность. Действительность – то, с чем можно иметь дело, то, что операционно, то, что мы создаем частично, в том числе своим воображением. А реальность – это то, против чего не попрешь. Если мы будем говорить об этом на языке квантовой механики, мы скажем, что из многих возможных действительностей, человеческая воля, способная коллапсировать волновую функцию, выделяет одну-единственную реальность, остальное оказывается возможным, но не существующим, а это оказывается реальным и существующим. Как только мы говорим о том, что мы смогли разделить реальность и действительность, мы можем ввести понятие истины, как адекватного представления в мышлении той действительности, которой предан статус реальности. Причем, заметьте, вы можете иметь дело с разными версиями реальности, с разным выбором и у вас будут разные истины, но какая-то истина будет обязательна.

То есть опять же истина оказывается метаонтологическим понятием. Истина будет субъективна, у каждого она будет своя, но все персональные истины будут связаны через теологическую вуаль, предыдущую, через представление о целом. А это означает, что существуют преобразования, которые позволяют от одной персональной истины перейти к другой.

Еще что дает нам онтологическая вуаль? Это принцип относительности. Причем разные принципы относительности от физического, когда вы можете выбирать в определенном классе системы отсчета, в этом классе определенную систему отсчета, поворачивать ее оси одну относительно другой, двигать системы относительно друг друга, двигать их ускоренно. Я говорю о принципах Галилея, о принципе Эйнштейна, все принципы относительности здесь существуют, но здесь есть и философские принципы относительности. Ведь разные люди могут назвать себя онтологическим наблюдателем, разные люди могут пройти вуаль, у них будут разные истины, но эти истины будут связаны. И важно, что если у нас есть онтологическая вуаль, то нам автоматически придется признать, что в данной Вселенной онтологический наблюдатель способен различать истину и ложь. А это означает, что у нас, неожиданно совершенно, метаонтологическим оказывается антропный принцип: Вселенная устроена так, что в ней возможен онтологический наблюдатель.

Между прочим, с точки зрения физики это очень жесткое требование к Вселенной. Есть известное соотношение называемое «постоянная тонкая структура», она близка к $1/137$. Это просто сочетание нескольких констант: заряд электронов, скорость света, постоянная Планка. Что любопытно с точки зрения современной физики, эти параметры в значительной мере случайны. Они возникли в момент образования Вселенной и могли быть совсем другими, при этом, как только вы сдвигаете постоянно тонкую структуру буквально на несколько процентов, вы создаете Вселенную, в которой не существует не только человека, по крайней мере как биологического понятия, но даже звезд. И тогда получается, что из многих вариантов констант выделяются очень немногие, это есть антропный принцип.

А следующая вуаль утверждает, что не все принадлежит реальности. Как бы вы ни определили реальность, даже если вы заявляете, что это вся вселенная, то обязательно будет что-то вне этой реальности. Это вуаль трансграничная. Любопытная вещь, ее можно определить чуть по-другому, а именно: какую бы границу вы ни нарисовали в реальной природе или в своем воображении, всегда что-то сможет перейти границу. Здесь очень интересный физический пример. Когда появилось понятие черной дыры, то писали, говорили (я, например, это еще поучить успел, в последних классах школы и в вузе), что поверхность черной дыры – горизонт событий – это определенная физическая поверхность, которая может быть перейдена только в одну сторону. Вы можете упасть на черную дыру, пройти границу извне внутрь, но невозможно движение изнутри наружу. Это очень существенно доказывалось, это было, в общем, краеугольным камнем общей теории относительности. И не то чтобы это напрямую было опровергнуто.

Но Хокинг показал, что существует определенный процесс, который мы имеем право интерпретировать как пересечение частиц горизонта событий в обратном направлении. В действительности происходит не совсем это, все не так просто, но с точки зрения внешнего наблюдателя черная дыра тратит энергию, черная дыра испаряется, а при этом возникает большое количество частиц, находящихся с нашей стороны внешнего горизонта событий. Конечно, если вы говорите, что внутри черной дыры что-то убавилось, а вне ее что-то прибавилось, довольно естественно это интерпретировать как пересечение барьеров изнутри кнаружи. Это называется излучение Хокинга. Обратите внимание, трансграничная вуаль предсказывает такие вещи как для конкретно данной границы, так и для любой другой вами мыслимой. Соответственно, какие у нас тут есть следствия? Любая реальность имеет

границы, реальность не является целым, и вы не можете реальность сделать целым, и для любой границы есть трансграничные процессы.

Следующая вуаль – смещающая. И она говорит очень важную вещь: существует иное. Онтологии вообще различают новое и иное. Новое – то, что имело предшественника, иное – то, что предшественника не имело.

Иное – это терраморфоз. И с этой точки зрения есть разные изменения. Можно говорить о том, что отдельный элемент разумного природа получила задолго до человека, это коллективные насекомые например. Но можно говорить и то, что появление человека было чем-то совершенно иным, ранее синдром разума никогда не собирался, а теперь он появился и, вероятно, уже не исчезнет. И создается парадоксальная ситуация. Эту парадоксальную ситуацию впервые заметил Гесиод в одном из критических периодов существования человечества, в конце греческих первых темных веков. Анализируя поколение богов, а его «Теогония» – это, в общем, анализ, он обратил внимание на то, что каждое следующее поколение было иным по отношению к предыдущим. Был Хаос, появились Уран и Гея: гигантские, абсолютно неантропоморфные, непредставимые сущности. Появились титаны, потом очень антропоморфные олимпийские боги. Гесиод это прекрасно понимал. Боги начали уходить куда-то на периферию мира, мир стал принадлежать людям. А люди – не боги, у них другие свойства. И вот тогда возникает вопрос. Что после людей? А что после тех, кто будет после людей? Вообще, если каждый ваш следующий шаг развития создает иное по отношению ко всем предыдущим шагам, как эта ситуация будет работать при достаточно больших временах? Мы же не в состоянии придумывать иное в таком количестве. А здесь оно должно само возникать. Это получило название «греческого парадокса», и это действительно довольно серьезная и страшная задача. Скажем, тот же Гесиод общается с современным физиком, который ему объясняет, что был Большой взрыв, потом была эпоха нуклеосинтеза, потом возникли звездные скопления, звезды, планеты, а потом все закончится, будет лептонная пустыня. И Гесиод вежливо спросит: «А после лептонной пустыни что?» И физик ему ответит: «Ничего, это конечное состояние». И Гесиод потеряет к нему интерес, потому что с точки зрения «греческого парадокса» никакого конечного состояния не существует в принципе. А вот как с этим жить, как жить с тем, что нет конечного состояния и постоянно возникает иное, это совершенно другой вопрос. Вот почему «греческий парадокс» – то, что люди очень не хотят понимать или изучать, но смещающая вуаль его требует.

Когнитивная вуаль. Существует мышление, и это мышление трансперсонально. Оно не принадлежит человеку, оно не принадлежит и всему нашему виду. Оно разлито между людьми, причем отдельными людьми. Я имею в виду, что их количество невелико, это вовсе не все человечество. Это мышление неутилитарно, оно обращено к Идеальному, выходит за рамки целесообразного поведения. Опять же, обратите внимание: вы можете придумать любую онтологию, но если у вас нет когнитивной вуали, то вам очень тяжело с этой онтологией работать, потому что вы лишены способности мыслить. Либо вам приходится признать единственно возможным целым себя, а это солипсизм, а солипсизм в принципе не позволяет никакого общения, то есть эта онтология абсолютно герметична, потому неинтересна.

Я обычно говорю примерно так: первые две вуали – теологическая и онтологическая – являются самыми жесткими и самыми значимыми. Следующие три вуали – трансграничная, смещающая, когнитивная – очень важны. Следующим двум я дал статус вуали, потому что я физик по первому образованию. Возможно, кто-то из гуманитариев усомнился бы в этом статусе. Эти вуали связаны с неопределенностью. Индетерминистская, дуалистическая (она же христологическая).

Индетерминистская вуаль говорит о том, что в некоторых случаях вы не можете одновременно определить все нужные вам ваши онтологии и понятия. Например, в физике вы не можете одновременно определить координату и импульс частицы. Существует принцип неопределенности Гейзенберга. В математике, по крайней мере в модели теории множеств Цермело – Френкеля, возникает теорема Геделя. Всякая аксиоматическая система либо неполна (существует высказывание, которое не может быть в ней доказано или опровергнуто), либо противоречива (существует высказывание, которое будет в ней одновременно истинно и ложно). Очень красивая вещь – троичная или балансная неопределенность. Например, экономика не может быть одновременно эффективной, устойчивой и справедливой, либо одно, либо другое, но мы обычно вспоминаем об этом в виде старого анекдота о немцах времен Третьего рейха, когда кто-то сказал: «Все они прекрасные люди: умны, честны и преданы Гитлеру». Но эти три качества никогда не сочетаются в одном человеке. Это тоже троичная неопределенность.

Наконец, дуалистическая вуаль. Есть сущности, которые являются одновременно двумя противоречивыми сущностями. Например, свет является стопроцентной частицей, и можно поставить крайне значимые понятные опыты, скажем, фотоэффект, четко обосновывающий, что свет – это частица. С другой стороны, свет – это еще и волна. И

можно поставить четкий опыт, например, по интерференции, доказывающий, что свет – это волна. Можно сказать, что свет это и то, и другое, можно, что это ни то, ни другое. Но то, что есть такие сущности, которые определены одновременно, одновременно верны и при этом абсолютно противоречивы – это и есть последняя, седьмая вуаль.

Еще раз подчеркну, для меня шестая и седьмая вуали весьма значимы, поскольку если их переводить с языка физики на язык теологии, то две эти вуали очень жестко намекают на существование свободы воли. Что для меня крайне важно. Но в принципе, конечно же, можно себе представить онтологии, в которых свобода воли полностью отсутствует.

Теперь смотрим, что у нас получилось. У нас есть метаонтологема – то, что верно, видимо, во всех сколько-нибудь разумных онтологиях. Это предположение о том, что есть эти самые семь вуалей и по крайней мере первые две из них значимы. Это представление о том, что онтология отвечает на ряд вопросов, и мы можем дать эти ответы. И наконец, это представление о том, что есть онтологии, способные к содержательному диалогу между собой. У нас появляются метаонтологические принципы: принцип относительности, антропный принцип, трансграничный принцип и следующая из него теорема о границе границы, которая всегда равна 0. «Греческий парадокс» тоже будет проявляться практически во всех онтологиях. Теорема Геделя – невозможность одновременно определить две значимые для онтологии величины. То есть ваша онтология никогда не может быть определена полностью. Принцип неопределенности, в любой формулировке: троичная, двоичная, геделевская, гейзенбергская. Теорема Нётер о связи симметрии с законами сохранения. У вас появляются инварианты, то, что будет во всех онтологиях. Хотя записываться может по-разному. Представление о целом, иерархия, реальность, действительность, истина, рефлексия, новое и иное, понятие парадокса, понятие неопределенности – довольно многие вещи у вас будут везде. Вы можете работать и с ковариантами: то, что в разных онтологиях будет выглядеть совершенно по-разному, но при этом вообще-то будет везде, и вы можете связывать их между собой. Можете связывать онтологические схемы, можете связывать представление о симметрии, можете связывать представление о противоречии и т.д.

Теперь попытаемся на этой картинке представить себе многие рефлексии, многие когнитивные онтологии. Я здесь поделил их по строкам: на предельные, которые отвечают на все онтологические вопросы, частные или локальные, которые отвечают на некоторые важные

вопросы, но относительно других вопросов говорят, «это не к нам: это не по нашему цеху». И в неопредельные, те которые работают между реальностями и для которых онтологические вопросы не являются необходимыми, прежде всего они для этих онтологий не главное. Далее мы можем себе представить онтологию личностную, ориентированную на личность человека. Онтология Бога входит сюда. Мы можем представить онтологии, которые объективны – в них, в общем-то, личности нет. Обратите внимание: большинство научных статей пишутся по логике безличности, даже, собственно, картина текста такая: не «я утверждаю», а «есть основания утверждать» или «существует единое мнение насчет того» и т. д. Ученый, который провел исследование, как бы оказывается на втором плане – его вроде бы и нет здесь вовсе. Это безличная онтология. И наконец, существует трансперсональная онтология, межличностная, это, например, онтология мышления. А теперь обращаю ваше внимание, что, ведя такое или любое другое деление, вы всегда найдете онтологии, которые будут между. Например, тот же метаонтологический подход, он же ведь сам по себе тоже онтология. Он, конечно, предельный, поскольку включает в себя связи между предельными онтологиями. Но он может быть и объективным, и субъективным: личностным и межличностным. Так вот, как только вы говорите, что между любыми делениями онтологии будут существовать переходные процессы, вы немедленно переходите к очень красивому эстетическому выводу о том, что картинка, которую я здесь нарисовал, – это не плоскость. Мы эту плоскость должны склеить, верх с низом и правую часть с левой, и тогда мы получим вместо плоскости тор. Очень красивую симметричную конструкцию, скажем, на этом торе широтная позиция, предельная, внепредельная, неопредельная, а меридиональная позиция – безличная, личная, межличностная. Вы можете все онтологии разместить на поверхности этого тора, соответственно, данный тор у вас описывает все возможные когнитивные онтологии, и, между прочим, движение, перемещение по этому тору – это и есть межонтологическая связь, диалог онтологий. В основании возможности этот диалог организовать находятся наши семь вуалей.

Но, видите ли, в чем проблема: как только вы рисуете эту картинку, у вас сразу возникает очень естественный вопрос. У вас есть тор, есть онтологическая поверхность, на ней все наши красивые онтологии изображены: онтология Бога, онтология природы, онтология государства, ноосферная онтология, конструктивизм, постмодерн – все это есть тут. Но ведь у вас же есть пространство, в котором этот тор задан, где он плавает.

И у вас сразу возникает желание это пространство тоже как-то описать. Понятно, что если все онтологии находятся на поверхности тора, то все остальное – это внеонтологическое пространство. Причем, заметьте, некоторые моменты, которые в этом пространстве есть, мы вообще-то знаем. У нас же есть математика, математика принципиально небытийна, на бытийные вопросы она не отвечает в принципе, это точно не онтология. Но мы с этой неонтологией великолепно работаем, она помогает нам описывать многое из того, что находится на онтологической поверхности. Мы знаем свойства этой неонтологии, математика и семиотика – науки о знаковых системах, и то и другое, конечно же, небытийно в самой своей сущности, это то, что находится в центре нашего тора, это наша дырка от бублика. Это не онтология. Но в значительной мере это связано с онтологией.

Дальше мы вводим разные оси движения. Смотрите, можно ввести ряд таких осей. Если определить онтологию уж совсем просто, определить ее уж совсем профанно, а именно, как некие представления о бытии, то вы можете сказать, что у вас существует по меньшей мере два пути. Вы же можете работать не только с бытием, но и с небытием. И тогда у вас возникает путь от вашего онтологического тора все дальше и дальше, в область, где работает все меньше и меньше вуалей. Вот их осталось только две: онтологическая и теологическая. Вот онтологическая перестала работать, у вас исчез антропный принцип, квантовый наблюдатель. Зато, как только исчез антропный принцип, появился призрак Ницше, который говорит: «Ну вот, наконец-то вы избавились от человеческого, слишком человеческого и действительно начинаете работать с иным». Потом вы начинаете представлять себе, что и целое может не существовать. При этом надо удержать свое мышление от распада, это очень сложно, но представить себе это движение вполне можно.

Мы это называем черной дорогой. Это черная дорога от бытийности к небытийности. И если мы находимся на онтологическом торе в зоне заданного бытия, если мы находимся в центре этой схемы в ситуации, где у нас имеет место быть соединение небытия с бытием в единый конструкт, а это и есть математика и семиотика, то на периферии, когда мы уходим от онтологического тора очень далеко, мы сталкиваемся с небытийным хаосом. Причем, заметьте, я не буду говорить, что в этом хаосе может быть все что угодно. Этот хаос просто есть. С ним тоже можно работать. Только это уже не онтологическая работа, это то, что лежит за онтологией.

С другой стороны, вы можете работать с бытием, но только с бытием, которое непредставимо, невыразимо схемой, картинкой, невыра-

зимо никаким текстом, ни в каком языке. Опять же, естественно, вы ведете какую-то параметризацию, и у вас в начале будет непредставимо что-то, потом все больше и больше, а в конце вы окажетесь тоже в хаосе, где все непредставимо, и при этом это непредставимое есть, с ним приходится иметь дело, считаться. Это второе внеонтологическое пространство.

Наконец, теоретически вы можете попытаться рассмотреть уход из этой онтологической плоскости, говоря языком тривиальным и даже примитивным, вверх и вниз. Вы можете попытаться рассмотреть ситуацию, в которой слово «онтология» означает нечто совершенно другое. Это перестает быть представлением о бытии. И представление есть, и даже бытие есть. Только вы работаете не с этим представлением, а с чем-то совершенно иным. Что опять же само по себе невыразимо в простых языковых конструкциях, с чем мы еще никогда даже не начинали толком работать. Сразу замечу, что работа с небытием делалась, по крайней мере, в литературе. Работа с непредставимостью делалась в математике и топологии. Работа с запредельностью не делалась. Посмотрите, вот картинка, которую мы сейчас целиком рассматривать не будем, называется она у нас пространством. В ее середине то, с чем мы хотим работать, что-то, с чем мы сейчас работаем. А все остальное – это способы, которыми мы эту работу организуем. Мы можем организовать эту работу через пространственный масштаб, через типы времени, через упорядочение, работая с предметным подходом: объект-субъектным, системным, сферным и т. д. С классами пиктограмм, с типами парадоксов, со сложностями и, наконец, мы можем рассмотреть все это в разных онтологических пространствах, через призму онтологического тора и даже через саму черную дорогу. То есть мы можем на это что-то смотреть языком небытийности, непредставимости и безначалия. По хорошему, конечно, я должен и обязан сказать, что это лишь программа, которую мы потихонечку начинаем выполнять, но некоторые вещи в этой программе уже стали довольно понятны. В конце концов, те же метаонтологии были описаны в 2016 году, с тех пор прошло шесть лет, к ним привыкли, с ними стало можно нормально, легко работать, а самое существенное то, что, когда возникла жесткая необходимость уйти от постмодерна в метамодерн, оказалось что-то можно сделать. Потому что метаонтология действительно описывает метакартины мира и метамодерн. У этого есть свои недостатки, кстати, описываю не только их. Но, во всяком случае, это позволяет нам примирить деконструирование, которое делает постмодерн, с нашим желанием иметь какие-то смыслы и какое-то интеллектуальное, когнитивное продвижение

в этом мире, что давал нам старый модерн с его представлениями об истине. Метаонтология – это возможность работать в логике модерна и одновременно учитывать постмодернистские деконструкции. С этой точки зрения с метаонтологиями мы уже работаем, мы гораздо хуже работаем с внеонтологическими пространствами. Это задача, которую надо ставить и которая пока не решена.

Я хочу завершить свой доклад представлением о том, что на сегодня это чистая прагматика, причем прагматика такого стратегического плана: удержать существующий мир во всех его значимых проявлениях и связях можно в пятимерном подходе, где у вас пять сущностей, с которыми вы работаете: пространство, время, организованность, как мир организован, какими инфраструктурами прошит насквозь, как управляется, какие формы деятельности поддерживает. Сложность: как понять мир, как описать, как вести с миром себя и, что, между прочим, очень важно, сколько онтологий, разных онтологий необходимо для того, чтобы минимально описать этот мир, минимально адекватно.

Наконец, целое: заметим, что, конечно же, целое мы прямо берем из мира вуалей, все остальное – это прагматические конструкции, мы же работаем сейчас не с небом, а уже с зоной праксиса. У нас получается пятимерная конструкция, и эту пятимерную конструкцию можно рассечь плоскостями, и тогда у вас возникнет десять схем, соотносящих время с масштабом, масштаб с организованностью, масштаб со сложностью, масштаб с целостностью, время с организованностью. Вообще, всё, что соотносится со временем, дает нам разные версии эволюции, от эволюции представления людей о Боге через представление эволюции живой природы, неживой природы – я имею в виду астрофизику, разумной природы – это уже история техносферы. Дальше, например, эволюция отдельных организаций, проход их через кризис. Всё это связь времени с остальными значимыми параметрами. Мы можем связать сложность и организованность и попытаться увидеть для себя, что вы не можете иметь достаточно сложную систему с простой подсистемой управления. Да, окажется, что между сложностью и организованностью существуют определенные связи, и иногда приходится выбирать вроде бы не самое естественное, организационное решение, а решение сложное, чтобы сложность продолжала существовать. Соответственно, работа с каждой из десяти схем вообще-то, как ни смешно, это один из праксисов метаонтологии. Именно метаонтологический подход дает возможность десять диаграмм строить, а дальше мы с ними продолжаем спокойно и естественно работать. Естественно, наиболее простыми, понятными приемами.

Сергей Борисович Переслегин

Я закончу свой доклад фразой об еще одном отдельном формате метаонтологии, с которым, по крайней мере в моем поколении, каждый сталкивался в своем детстве лично, имея к этому отношение как к материальному объекту. Сейчас тоже сталкивается каждый, но чаще всего как с идеальным объектом. Я говорю о библиотеке. Вообще говоря, любая большая человеческая библиотека представляет собой почти идеальную модель метаонтологического тора. Вот на этой фразе я хотел бы завершить свой доклад. Большое спасибо за внимание.

Доклад 65. Концепция Русской Идеи «Русский Крест»

Региональное Объединенное Движение
«Русская Философия»

В этом докладе мы попробовали сформулировать концепцию Русской Идеи от нашего Движения, обозначив и раскрыв пять основных вопросов. Итак, предлагаем их вашему вниманию:

1. Три принципа Русской Идеи.
2. Онтологический принцип «Единое во Многом».
3. Крест как символ Русской Идеи.
4. Русская Идея как пятое мгновение «Бытия и Сущего».
5. Русский Человек как центр и носитель «Русского Креста».

Три принципа Русской Идеи

Всякая концепция, равно как и всякое познание, имеет под собой некоторый принцип, который позволяет охватывать и структурировать то или иное смысловое поле, подчиняя его целям и задачам всякого добротного исследования. В рамках работы над концепцией о Русской Идее нами были выработаны следующие основополагающие положения: онтологический принцип «Единое во Многом», методологический принцип «Синтез и Соединение», а также декларативный принцип «Купно Заедино. Вместе заодно».

Мы считаем, что указанные основоположения вмещают в себя бытие Русской Идеи: они ее определяют и задают границы в рамках концепции, выработанной в лабораториях Регионального Объединенного Движения «Русская Философия». Символом этой концепции является Крест Бытия и Сущего.

Идея Русского Креста заключается в создании единой онтологической и одновременно методологической модели. В основе Креста лежит принцип Синтеза и Соединения. Семиотическая составляющая